

18+

в.тао

Звезда

Безумия

В. Тао

Звезда Безумия

«Издательские решения»

Тао В.

Звезда Безумия / В. Тао — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746189-8

Если вы укладываетесь в определённую форму, рамки, это могут назвать гениальностью. Книга издана при поддержке Министерства культуры РФ и Союза российских писателей. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-746189-8

© Тао В.

© Издательские решения

Содержание

Звезда безумия	6
Из рая, с любовью...	6
Аромат крови...	7
Магия	8
Лето зализывает раны...	9
Измерения	10
Наше поле высохло...	11
Берег	12
Ментоловые тропики кофеен...	13
Граффити солнца...	14
Мертвые травы...	15
Янка...	16
Бризовые улицы...	17
Роились призраки меланхолии...	18
Плоть	19
Тихие ставни, притихшие волны...	21
Пепел	23
Белое в белом...	24
Экстаз полз по коже...	25
Случилось это на днях...	26
Сгорающий аромат...	27
Сэлфи...	28
Ее глаза...	29
В легком безумии...	31
Ночь пылала, звезда сияла...	32
Блестело окно...	33
Жнецы	35
Византийский ветер...	36
Вторглись в будущее...	37
Город удалбанный блюзом...	38
В космосе пылают города...	39
Южный Крест	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Звезда Безумия

В. Тао

Дизайнер обложки Виктор Тао

Фотограф Дмитрий Хрусталев-Григорьев

© В. Тао, 2024

© Виктор Тао, дизайн обложки, 2024

© Дмитрий Хрусталев-Григорьев, фотографии, 2024

ISBN 978-5-4474-6189-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Звезда безумия

Из рая, с любовью...

Из рая, с любовью...

Компьютеры жгут образы, память.

Переулки печали тянули дни – солнце отдыхало
на крышах, спинах. Можно зажигать спички о воздух,
не бояться ошибок

Ангелам вставило в электронной пыли:

Россия с алмазами в небесах. Парили, тестировали
свои программы – всегда в онлайн, или сошли
с ума... записаны в базах бессмертия
«в день, когда музыка умерла...»

...слепни садились на плечи, сияли
дни изнеженными порталами – под сдвоенным
трипом, под сдвоенным небом – «джайлау» лениво
шептали травы, повсюду зеро: кончаем в эту бездну...
Синева и накатывающее безмолвие.
Пляжное солнце иезуитски красивое

сервера пожирают будущее,
лайнеры разламываются в полете нежным пламенем
Модильяни... благоухает время, космос... звезды
пахнут спайсом – у всех разные даты рождения,
но одна дата смерти: 00.00.00... тут забудешь Сына
Божьего и Отца. И ты бы тоже не захотела

Море: в комнатах – полдень

...сквозняк колыхал занавеску: ветер неповторимый...
не мог проснуться, сгорая от счастья! ...смотрел сквозь
прицел: сквозь грозу прорываются миражи
и катаются кошки в пыли

Аромат крови...

1

Аромат крови, аромат свободы —
ангелы под колесами в зубах у счастья: послали гонца
на край света, на хуй – никто не спал на районе. Улицы
затянутые камуфляжем, гарью... Осень безмолвна как
заря ислама. По ночам полы блестели как прибор —
Мария Целеста в пучине сна

Родина покрытая славой. Цифровой Бог
на волнах электроники: в центре Зверя Звезда сияла.
Жертвы учились говорить по-русски.
Был бы в сознании, прочитал бы молитву.
Взял бы сани на ледяную гору.

2

Кактусы сохли на окнах. Пассажиры на остановках.
Топ-модели красили губы, выходили на подиум —
стрелялись... последний кутюрье которому отдаешь
свое тело. Жизнь – будешь ее вечным солдатом...

лишние на этой вечеринке: ты ищешь того же что
и я – забвения... пузырьки страха перекачиваются под
кожей, пьянят... брошенный окурок – время сгорает
невидимой паутиной:

ты свободна

ночь холодна

Магия

Лето – хочется называть ее по имени.
Будешь ли ты летать с ней!
Море, штиль, пляж – мы одни в этом воздухе неудач.
Ржавые баржи покачиваются, испаряя соль...

Новое утро раздето. Распято солнечными сапогами.
Соль на языке, в золоте: механика кипарисов борется
с ней...
– Камилла, вставай! – слой прически напоминает
подсознание парка, сияющий котел юности ...дверь:
свисающий полог как сияющая молитва! Как монолог.
Орфей спасся, притворившись безумным! став
семенем

...звонящий зной. Пустынное море как время...
позади гаражей автострада льется изумленными
глазами: кожа покрывается металликком событий
...магия подсолнуха, компьютерный слой реки вяло
текущей сквозь город. Мы надрывались на свалке
плоти! Втягивали неоновые города в орбиту новой
истории! Казино времени: время удачи совпало
на циферблатах. Манна небесная да не иссякнет
над нами!

пчелы возвращались в ульи – черные угли
время удачи обнулило дисплеи

еще далеки от рождения

Лето зализывает раны...

Лето зализывает раны оставленные волками
Болеро отстукивает мгновения – солнце за все
в ответе: ее звали Флорида, мою любовь – скачивали
с торрентов, насиловали на улицах...
зной обнимал, гас как плазменный демон —
было легко вдыхать ущербное солнце трущоб
подсолнухи сканируют синеву, наши безымянные ночи
«Я не знаю!» – молился ангел.
Вламывались в крыши созвездия

...города пылают, падая в мягкое время...
Свернемся улиткой в этот мир. Украдем одежду
у смерти. Хорошие девочки попадают в рай, луна
ковыряет в мозгу своей отверткой —
лижущих со всех сторон псов
выносит в раскаленное выебанное безлюдье

Зуд мошкары, жара...
скользкий лимузин пылает в дельте:
танцующее счастье в обнаженных мечтах,
шелковый путь грусти – полночь помнила обо мне,
струилась осторожной болью
мы не умираем

полубоги жаждущие рекламы

еще

Измерения

1

Анатомические особенности кварталов жуют
галактический мусор, согревая ноги. И память...
стая леммингов в отдалении делает мне знаки...
Плетусь по лестнице на пятый этаж – солнце выжигает
сальсу на плечах ...вхожу в полумрак, снимаю обувь.
Офелия затаилась за дверью словно ручная газель:
я знаю, что ее здесь нет, но улыбаюсь

2

...это не пески жгут у меня в животе. Это дашки
голода... бриз скользящий в относительной плоскости
зеркал, вытесняющий сны, словно мы сами по себе —
Стефания талантлива на этом ветру сдирающем мою
кожу. Искрится, струится – обещает боль

в нашем бризе всегда столько льда

3

Нюхали нашатырь, поднимались на эшафот:
у меня Астарта в гостях.
Сиж у стены, жгу огонь на полу – в полуяви:
колышется Кошмарный Корабль, медленно
натирает спину переборка...
– Кто там?.. – кричу на верхнюю палубу.
Скрип усиливается ночами – кроме ночей
ничего и нет, «спать, спать...» хлопает парус.
В это время Астарта поднимается на борт.

Наше поле высохло...

Наше поле высохло. Наше море устало
Дети пускали кораблики в небо. Снились подушки
и синие незабудки тыкались в скулы, терлись о лето
о плечо (дыхание горячо)
Висел день, было лень убирать со стола...
молококисло в чашке – ты бродила по комнатам
легким абсурдом
молнии вспыхивали
перед грозой

смертьвилась лозой – заползала в углы, в окна
Стояла в саду, где нас не было: ангелы встречали
синеву... струились тени, стены – тлели поля
равнодушием...

Небеса— кораблю. Ночь шептала
«люблю» – смерть износилась на теле, затерлась
до дыр в полях, в твоих глазах отражалась
усталость, легкие пчёлы

Два стакана воды на столе, на солнце —
зыбкость в набегах ветра. Безоблачный зной,
камни в поле пасет безмолвие
беззаботной девчонкой

Берег

Берег нем словно рыба. Запах реки...

Растоптана ночь конями, зовущими в пыль глазами человеческими – темными наречиями. Тростник пылал, край тумана плыл... тихое чувство лежало глухо, вытер ноги о порог вечер – теплый дым, теплый...

Мы сидели тихо, глухо. Намело мысли на окна: жаловался свет серебристый ручьем, стоял у порога. Тревожные тени, сушь волос и день весь в ответах. Косые мысли берез стояли тихо вдоль стен – слушали шорох, разворачиваемый как язык – принесенный, отданный жертвам (булькали пузыри в болоте). Крабы в травах шевелились, крались. Треснула ветка осторожно в часах настенных. Вышел, взяв отражение в зеркале (Кровавый король шел вдоль стен).

Отданный в лунный плен: птичий зов тонул камнем – тихо зовущим...

Сотканный из вечера исчезал в ночи, заляпанный сиренью как поцелуями. Радугу свело в судорогу. Темный воин стоял – погибло отражение в ручье. Вернувшийся положил ответ на стол, вышел из комнаты...

Смерть спала в доме – воцарялась, когда мы засыпали. Тягучие лучи как чулки, травы в кровати тесной – лунная казнь... Терпеливый страж лил воду в таз: мокрые ноги от крови... травы зовут в глубину зари, ветер расцвел внутри – посмотри! Безумный голубь взорвался в небе! Ты был там, где кончилась песня волка...

топкий закат: тронул за рукав, обернулся – ветер...

где-то я гуляю на свете

Безмятежность в развевающихся одеждах. Неясный мотив вытворил плоть из плохо слышных гармоний. Там где лежала кошка, открыла тень свой рот. Чувству друга была дорога рука. Подводной тишиной снесло ум на мель: выросла дочка, стала кустом жасмина. Стоял на коленях передней, просил милостыню... Ты пой, пой руками надо мной, над моими мыслями... таяла ответом над ручьем, у корней...

А весь голос выгорел от слов моих!

Город раздарил чайкам, сильным.

Был день, звался май – ни на что не откликнулся, ничего не забыл. Ты свей грозу из рук своих, положи мне на голову: убитая змея... плела тоска сердце зверя, ждала изгородь оклеваных птиц.

Путь тянулся в поля, ждала солома журавля. Дом холоден как улей, черен. Зеркало отражало часы, которых не было в доме. Это шли за мной, сюда. Лежит у ног звезда: Ты мне помог
Пуст порог.

Ментоловые тропики кофеен...

Ментоловые тропики кофеен.
Город как мягкие тапочки:
наполнен волной, позывными вдохновения —
легкий гавайский бриз
Болит плечо. Ноет тело в дружелюбной неге
Бродим по развалинам ума – две хромые собаки:
воздух проколот кубинской сигарой
жуют свои покрышки такси измазанные изумлением
перекресток в позе йога
...и тикает будильник в будущее: воздух можно
сгребать руками – разбрасывать как мыльные пузыри,
дарить

Жемчужная тоска кораблей
Ограбленная набережная —
купаемся в позолоте забвения...
Пурпурные события. Шафран и шалфей —
сонная партитура немного придурковатая

...свет шелестит сквозь полусон, в комнатах,
сушит мои бумаги – и становится легче дышать
Дом закис в синеве, искрящаяся сыпь побережья:
– Переплывем на тот берег!

сонно гудит шмель
ходит молодой отец в комнатах
ярких

Граффити солнца...

Граффити солнца. Свобода.
Молнии лоснятся в жаре, сползают как ласки
с убитых. Маски подхватываются ветром, пылью —
их подбирают жители освобожденного города

Позывные возлюбленных растворились
в космосе, в пустоте. Измазали стены рекламными
откровениями – волки растерзаны неоновой волной.
Мел Гибсон распятый на баннере...
проводят кастинг сутенеры, громяют созвездия
над головой – как водосточные трубы, как якорные
цепи. Одиночество спускается в долины
с телевизшек – попробовать нашу плоть

Хаос дня завораживающий правдоподобием,
потолки струятся в рекламной неге: это небо
спустилось к нам...
Шахидки на трассах безмолвия
голосуют ангельскими сердцами: церемония крови
забрызгала камни... вдохновение – балерина
смерти – так и хочется сказать: «fuck...»

Гонцы возвращаются из будущего
с искусственными глазами. Дремлет паранойя
в шепоте деревьев и вдохновением пахнет полынь:
компьютерная память зависла в минуте молчания

to becontinued

Мертвые травы...

Мертвые травы желаний светились...
Сумерки замедляли ход времени: войска перешли
жизнь и стало холодно в строю, и тяжелей нести тела

Накинутый крючок на дверь: вот и западня
Запоздалый дым потянуло к берегу —
к знакомым местам
Заколдованный выстрел: лег спать часовой,
оставив звезды беззащитными

Мертвый соловей выкликал имена солдат удачи,
схваченной у дороги: сейчас будут раздевать
А я забыл дома топор и молитву, услышанную ночью.
А я валил звезды под откос, закапывал в еще теплой
земле. Змеи шевелились во мне...
Облако счастья превратило мой сон в кошмар: я не мог
проснуться! Вышел из дома, свернул улицу по лицу —
искал дорогу, возвращался к порогу

Тени съели плоть, стал я вольным как ветер —
все искал себя-тебя, никого не встретил.

Голые кони в черной ночи —
смерти нет, кричи – не кричи.

Голая луна: Смерть дана.
Милая одна – звезд полна.

Янка...

Янка упала, ушибла коленку. Дым затянул переулок,
ограды... побежали к реке наперегонки с вечером:
смотрели, как возвращались мертвые солдаты...
тупоумный звук выдуло в облака из заводской трубы

Рыжей памятью выгорели холмы: к млечному очагу, к
Прошлое это бумажный часовой, сказала ты.
Листопад просачивается в приоткрытые двери,
ложится на стол: рассыпанные, потемневшие гильзы...

Отпускали деревянных рыб в воду —
плыл сверху брюхом, улыбался облакам со дна долины:
мело мелиссой по неслышным полям, непослушным
детям

...волна грусти, окутывающая улицы: спроси ее,
ветер... они выходят из нас как из города Бога —
наши ангелы, наши убийцы... поднося лезвие к лицу —
молча входя в блаженство

Бризовые улицы...

Бризовые улицы растворяют сердца, ленивые
и мертвые мысли... рекламы божественно трахают
город – «снайперы любят вас: будьте внимательны»

Юпитер, спутник Царя. Сатурн, спутник святого:
вкатывают носилки в божественную операционную.
Выкладывают надгробия на стол: так просто с отцом...

Июль, меланхолические дни распродаж...
Иисус прощает нам скидки на Свой день рождения.
Сильнее чем Югославия горят сердца —
их можно звать ангелами без крыльев

Шрапнель лунного света ворвалась в комнату:
звенит браслетами на запястьях моей божественной
природы. Бездомной мелодией...
наши лица успели смениться, пока ты пела.
Только степь горела, шпалы регулярно лежали

Нас несло на причал, на мол...
ветер был гол, звался Эол – гнался за моей улыбкой,
нашел кожу – натянул, облокотился на подоконник
болтает языками богемных реклам,
дразнится шелестом неоновых перьев:
есть одна мука в духе – тоска.

светящиеся мгновения роятся за головой,
стреляют сигареты у девчонок: это превосходит
мое воображение

цветы распускаются и утро настает

Роились призраки меланхолии...

Роились призраки меланхолии – в пыли, в полыни
Звезды перемолоты в хлеб, в зной – в чесотке цикад
мерещится Голливуд, ангелы умирающие под
колесами. Некуда голову преклонить среди
счастья

Живые и мертвые за одним столом, на одной
земле. Лето бессмертия входило на порог,
в дом объятый огнем – плоть усыпана
болью (так язык отрицает Слово)
Предавал, сбивался на смех —
«нас не догонят!» стебались менты,
крапива полыхающая ожогом
(догнали и прикончили в новостях)

Выбрался на денек, сел на пенек.
Прикусил язык, натянул одеяло на голову...
рассмеялся солдат, передернув затвор – посыпались
семена из ствола – отлетали от стен,
скакали по полу —

Плоть

Сидит напротив как судьба.
Если грамотно пощупать ее коленку,
можно нарваться на кайфовый прием!
принести в жертву
Ничего не оставить себе.

Какофония улиц растворяет кофе
в поюзанной забегаловке: много пить
вредно в несуществующей жизни.
Быстротающий поцелуй в воздухе.
Стрекозий, алый вмах губ...
сiju на тротуаре, флиртую
с фотографом – интересно,
я ему тоже снюсь?

...хотела оставить шрам, не смогла.
Смог, мгла. Электричество звуков
врывающееся в тело – чувствую себя
на проводе. В сети. Досмотреть сумерки
и выдернуть шнур.

...пришла ко мне с палкой,
пристала к душе с прялкой. Свивала
кубики из мыслей, ткала ковер. Пишу кавер
на сны – пёс отравленный светом. Ядом.
Чистая лоботомия духа

Сознание под знаменем.
Уже свет померк, как закатилось солнце
(смотрел немного прищурясь словно тиран)
Сладкие как мечта, горькие словно жизнь —
стопили бессмертие на середине дороги,
черные машины своих снов

Наркотическое лето – накрыло с головой,
с небесами. Таяло, прислонившись к телу,
прорастало сквозь взгляд
Мир Евангелия распят, ветер кусает в губы —
время рассыпалось каждое мгновение —
но мы опять не успевали

Не думаю о трассах прибитых
закатной пылью... Вместо асфальта – солнце.
Вместо воды – Твои глаза.
Все дороги немного похожи на паранойю.
Немного на кровь. На жажду...

после ослепительной вспышки
верблюды спускаются с вершины полуночи

Тихие ставни, притихшие волны...

Тихие ставни, притихшие волны...
утомили собак поезда, в снах светила звезда,
космический туман глотал города – мертвецы сияли,
разрушая солнце...

Магистрали умчались с небес, полей.
Магия лета, час безмолвия перед закатом
Сотворил дурачок знамение, Европейское сияние —
колокол плыл, мешая колыбельной – лунная пыль
осталась под ногтями... Зарастал туманами дом,
сумраком. Сновидения заполняли аллеи, солнце
стригло резьбу лишайника

тихо достигали лучи долины, пустыни
дней
маховые прикосновения голову обернули
марлей – и тело запело
принесли свет фонари – положили у ног
память оборачивается, возвращается в плоть —
чувственные животные поглощают природу

металлические собаки спешат к смерти, к рассвету
Магические поколения... Натюрморт сиял чистотой.
Трепетный свет кивал шевелюрой: соотечественники
пылились под солнцем... густонаселенные районы,
балласт обременяющий время – мы его наполняем:
приказывай!

Комфорт загружал зеркала своими программами —
песков не хватало пустыне, металась жажда тканью
в дверном проеме: не только в доме стояло отчаяние
зеркала заражали бессмыслицей полдень
пыль планет несло искаженное время
искала болезнь подходящее тело
(мысли шевелились вокруг головы)

тревога захватила комнаты, дом с видом на прошлое
Молчали петухи, пастухи – Божественное начало
просилось в дом – легло под ноги ковром, мягкой
памятью мело сквозь плоть переулков, мира

Обморок в зеркалах.
Тревожный куб времени —
легло на лоб матовое сияние в глубине
восточной звезды
в воде отражался полдень

Анастасия-Россия

Арифметическая ночь над головой, пляжи
считали убытки осторожной волной, шуршал песок
у ног – сияла (смеялась?) звезда, сквозь пол утекала
вода – высохли дни на пальцах,
остановились космические часы

мы здесь их оставим

Пепел

Мышьяк пепла обсыпал колени. Монотонное жжение света... российский ветер сжег ночь, и тихую паутину рассвета. Костюм палача трепал ветер – пылающий черный костер. Нега текла сыроватой рекой в ночи... Безъязыкая ласточка протыкала тьму. Околдован костром и хищниками: гончарный круг под этим обожженным небом – последний

Очищенный мрак. Отрепья полнолуния в зеркале – в холщовой игре теней, на коже рук. Умер петух и проснулся новый рассвет! Орел грел поле взглядом: бархатным ремеслом убийцы

Хамский ветер и стеганое одеяло – дождь, прозвучавший трехкомнатным эхом... начало западни. Кашель. Холодный портвейн. Хромой воробей на подоконнике подклевал звезду и замысел, сложившийся в благоухании окон.

Натянутая память как сеть, удерживающая самоубийцу. Пылающая хризантема в углу. Кость сновидения, обрастающая плотью. Улыбка. Не выпустим изо рта веревки, будем немые как рыбы.

Пересадка сердца кораблю. Сухие сплетни полей куклам света, сторублевая нагота шоссе. Журавль или ангел, пересекающий горячую синеву.

Творимый пауками парк пах луной
и сытым безумием питались зеркала, встречая ветер
и обрывки звезд

Белое в белом...

Белая кушетка белая-белая. Белая, белая смерть.
Белая лошадь в мраморном парке —
больно глазам смотреть...

Приспустили флаги серафимы. Из печали
несли венки, головами качали... Цветы в астральной
литургии. Слепший Тесла в черных очках: сияет пыль
в черных перчатках

Осторожный лист упал в комнату: окно
дышало запустением. Сидела нога на ногу.
Курила, придерживая пепельницу в левой руке.
Отрекшийся мальчик у окна.

В ясность зеркал простирается мечта,
залитая Светом в конце... поле было бесконечным —
изумительные пришельцы улыбались на меня во сне!
Государственные флаги спускались с орбиты...
звезда в пароксизме сумерек —
падает, укутывая плечи

солярные призраки в электрических полях

боль шевелится как новорожденный, не угасает

Экстаз полз по коже...

Экстаз полз по коже, нащупывая
этажи позвонков. Плавные авиалинии
тела... лежал в яслях полных ясности,
лодка в надире лунной дорожки —
из наших надежд сделают черное фортепиано,
лоснящееся на подиуме наслаждения.
Громоздятся крылья, заваливая Вселенную.
Шарят радары во тьме сердец, чувств
украденных у бриза на одичалом причале

Седла скрипели как кости в теле.
Как луки в колчане. Как камни в горле.
Отправился за звездой красивой. Обжегся
волшебной крапивой. Пыль вечная как расстояния.
Река... здесь звезд больше, чем у меня в гареме!

твоя талия тонкая как боль подростковая
растрескавшаяся мозаика губ – курлыккала белая
птица словно не могла согласиться
словно не могла остаться в вышине

нет, я об этом не

Случилось это на днях...

Случилось это на днях, на костях...

Река кладбищем молча текла. Слезы-березы... вылил день за порог, с грязной водой. Несколько слов не отмытых лежат на столе (надо выйти пока не дорого). Зарой могилу, а то упадешь: (надо встать, выйти пока не поздно...) стоят вокруг, топчутся как мысли. (Стая зевая на деревьях). Мысли есть у полковников – о покойниках: еще несут службу. Убьют – выпьют за дружбу. Неси сани сюда скорей! Уже видишь во снах Царей?! Выльется тебе вино на колени. Возьми в провожатые тени...

Натекла черная тень под ноги. Черным мылом искупался грех единственный. Голос таинственный – черным жасмином цвели звезды.

Однажды коснулся края крыла – вышла она: стояла одна... для тебя одна принцесса (Твоя Богиня, Рабыня). Сдвинь лыдину у ног, подтолкни в волну-седину: садись у ворот, раз пришел, парень...

Южная ночь как клубника: нежная тень реки... возьми венок за голову тихо: милый друг, плыви за месяцем-отражением – только вернись...

Южная беда навлекла глаза. Черные глаза черемухи ночной. Черный ветер обнимает за плечи на ночных тротуарах, сушит губы

Холодного ужа прикосновение на постели. Жареный петух потух: клюнул словечко – выпало сердечко. Милый мой, прости – только вернись...

тяжела высь. Монотонно окно, с гвоздем в стекле – в сердце. Распахнулась дверца: печь пустая... ночь холостая. Вчерашний вечер под окном, чужой гость задержался, почуяв высь. Глядел в пол стол. Милый, почти эти мысли – только вернись...

Черный соловей – пепел с полей.

Черный ручей – голос ничей.

Вышла моя судьба налегке:
несли шаги к милому, вышли к реке.

Отведи меня к милому:
мне прощенье – угощенье,
только вер...

Сгорающий аромат...

Сгорающий аромат мандаринов
ярче обожженного неба!
экстаз саранчи голодным безумием.
Вялые шторы процеживают зной, тесня
полумрак сонным балетом. Я не знаю
куда ушла мать, задержав полдень...

покрышки шелестят в наркотическом
наречии цикад – радиостанции выгружают
мозги в океан безмолвия, предпочитают бойню
полету шмеля: божественна улыбка твоего кота,
Алиса – абрикосовый миндаль десен,
невидимая засмеявшаяся в ответ

Из семени сердца вырастает любовь.
Океанический бриз в глубоком шоке ночи:
скоро вернусь из призрачного путешествия,
волшебные кости ноют в предчувствии
– Я в твоём сердце, дурачек, – смеется мать.

Индия Вселенной ухаёт бездной

Сэлфи...

...сэлфи манекена облепленное «лайками».
Сердечками поцелуев... звезды снижаются, словно
НЛО пикирующие с высоты – в точке взрыва
распускается алмазный букет

Заросшие дни – выше головы, ниже братьев моих.
Натуральный спирт вместо крови: поднеси горящую
спичку и

...мертвая зыбь морей в черном шелесте бриза —
за их мультками не видно неба – бриз напоминает
страз разбитый безмолвием. Туманность небесной
изморосью: каблук мягко надавил на май,
смял мысль, провалился в темя...

ночь: сидели на ее эшафоте
пульс точит психотонию тревоги, именем «Татьяна»
веет с полей... безупречная машина памяти,
на пластике кожи ослепляющие лайки блеска —
проститутка, ангельской наружности и тронутости

...вмазались на полной скорости – застывшая
кукла в огне: глаза сухие, а руки... токсичная плоть
затягивающая под гланды – аромат смерти, который
мы вдыхаем... ее шепот невнятен:

пусть это останется между нами...

Ее глаза...

1

Ее глаза полны ртути. Сияния. Идем за этой звездой в лучах мегаполисов. Пульсирующий ветер в алмазных туманностях – хочется сжевать зубами живую звезду притягивающую с обелиска

Языки афиш в изнеженном воздухе набирали высоту, прятали тишину в комнатах, запертых на ключ. Обезумевший закат над городом – пульсирующий, безмолвный. Гарь воздуха блаженна... распахнутое окно: тронутые отблеском скулы, катастрофическая улыбка – твоя

Холодные отражения блуждают в зеркалах, словно призраки закинутые кислотой. Великолепные гости в ускользящей дымке. Я лег на пол, поближе к огню: голову опустив на лапы... Безжалостный друг кинжал, изнеженность тел в опустошенности бриза – сквозит разложением день рождения плоти. Покоем сонных лучей – на щеках, змеиных запястьях... переходишь туманности вброд, охотник за огнем и первыми поцелуями. Грустишь, не помня себя – тело дергается в конвульсиях: рождающийся

Горящие такси, спокойная река проспекта в полумраке. Жирафы выгнали головы из песка, выгнули шеи: жертвенность водопадом ниспадающая на плечи. На последней остановке обменялись взглядами

Полдень залитый кощунством света. Паранойей. Зеркала стекали со стен, и духи струились в прикосновениях, шевелились листвой – в складках лета, затаив дыхание. Мир уснул в слабоумии, став тишиной... обелиском проткнувшим время

Осточертевшие облака, пыль. Магнитные полюса спокойствия. Меланхолия зреет в глазах, полях. Поэзия это собака потерявшая хозяина – чистая предсмертная тоска...

Одиночество реклам прогрызающее рассвет: лебеди пряли тишину в своем омуте, гуляли в парке дети – в моих сердцах мокрых от слез. Тишину тянуло время как резину. Трансформировало на всю страну: развоплощало... Звезда на площадях сияла – отчаянием (несло нас на окна – раскаянных ангелов)

Нас семьдесят. Пошли войной на Свет.
Пенсионеры пили пиво. Чахли на скамейках,
клумбах. Закрытые окна сияли: ждали сигнала, камня.
Я очнулся
от земли
пылали космические корабли
сторукое жало пожара грело плоть

2

Очертания полу-неба. Жгло плоть увечье, темнота овечья. Мысли-кролики, алкоголики. Растущее светило светило. Поле полное улыбок, памяти – Припять припадающая на одну ногу, к моим стопам. В небе гам: память зависла как коромысло. Сбился со счета рыбак, растерял ячейки – полное безрыбье в голове – гниющее светило светило, гнило.

Холм и месяц двурогий. Гонец одноногий... вычерпывал месяц из лужи. Космический бриз охлаждал колени – брел сквозь туманности, вспоминая себя – жирафы выгнули шеи с небес

Смерть сомкнувшая губы. Клювы. Не молиться ночам – соловьям... Сидел задумчивый на заре: солнце плавилось в янтаре (идем со мной, безумная лошадь).

Скрипнули ветви под ветром, подвинулся призрак, впуская – где Россия, спроси... Деревянная дурь. Полные головы пуль (тьма беспросветная).

Пиво сипло сквозило в глотке. Повисло пьяное молчание. Танцевала луна в доме, одна. Натирало полы безмолвие. Светилась конфета ответом на подоконнике. Запах плоти иссяк. Молибденовая улыбка сияла во сне – мне. Понял, что потух пастух – и погас глаз. Пол оторвался и плыл, плыл по глади – меня по голове глядя...

3

Кости скрипели как колеса – телега катила в мягкой пыли, словно волны меня несли – от родного порога – в дорогу, в дорогу

Костер жечь в степи, в печи... Судьба-калека. Тоже Ты? поможешь сжигать мосты.

Глицинии жирные: лоснятся, снятся. Вы будете жить, смеяться! Человеко-орудия: они настолько парализованы его волей – что у нас всех просто нет выбора: хоть не ходи на выборы... такова парадигма – в Дигме.

Мы будем жечь глаголы. Сердца. Улыбки липкие наклеивать на маски. В ленивых обличьях – зачем от них прятаться? Такова их природа овечья... человечья.

амен, мой волк

В легком безумии...

в легком безумии тополином
глазами ангелов парили – совокупляясь,
разваливаясь на части – терзаемые ветром
оригами на затхлых задворках, преступления совершённые по-русски – ангел тряс
за плечо – нам нужна космическая соль в волосах изменяющая сознание

Девочка по имени Россия —
не захотела оставаться проституткой.
Сутенеры будут пиздить, пока не одумается.
Ветер перемещает свои пиксели легко и забавно.
Щекочет ноздри вялой кофейной благодатью. Слова —
для них есть запасное сердце. Искусственное. Красоту не спасет мир заключенный
нашими отцами: по логике вещей, будущее никогда не наступит – единственная армия, кото-
рую не победить. Так и хочется сказать: блядь!

...пушистые скалы шевелились дуновениями,
словно вновь вышел из тела... поля памяти как жесткие диски – берущие последнюю
ноту октавы – всё или ничего: но это только до начала безмолвия

– Они крэйзи!
ну, да... как только ты обнимешь меня

Ночь пылала, звезда сияла...

Ночь пылала, звезда сияла

Дни разбрелись по-собачьи, случились:
белые мальчики – ружья и птенцы. Рука
полная власти. Мертвые царицы.
Особенно на заре...

Глаза заглядывают в глаза —
побудь со мной, моя тень.
Сверни с мыслью на проселок.
Звери в коже. Дни-покойники заходят
в гости: сладости от отца. Случайная боль
влетела в тело, разворачивала сладость мучений.
К окнам приникли тени. Замостили лицами город.
Счастье грело колени. Сошло с ума в тишине.
Лошади стонали, мертвые пели.

Ведомый спутником за бортом тела.
Окна замазали глиной. Мертвый цветок —
будешь первым в мае! Получишь письма из
прошлого (ничего хорошего). Метель замела слова,
сладкие как халва. Мрак отутюженный. Молнии под
ногтями: метались во сне занавески-невесты...
Мы по-прежнему одиноки.

Ночь устала, звезда сияла.

Ломтики булки на счастье...

Блестело окно...

1

Блестело окно в сероватой кухне.
Хореографией пах пол, атласом памяти.
Хотелось времени, зеркал. Хмель и чай,
и пушистые осы. Целовало запястья солнце —
было мало сказать: «любимая...» —
полсвета молчало в ответ

Солнце распустило свои патронташи...
Ныла музыка в окна – Эверест потухал в заре.
Колкое море цикад в тишине, жаркие воспоминания
Мела метла, бережливо сметая деревья... ослиный
оклик теребил время – шлёпали босые ступни по
полу: звезда на небе – кораблик жгучий...
Звездные меха метели.
Эхо было нелепо, бессмысленно —
бродило по площадям аллергическим ветром...

Приходил дурак: угадывать имя.
Порошок его шепота всю ночь: черный...

Солнце мололо чепуху в своей мельнице:
выпекались дни – сухие, жаркие... Мы еще
надеялись на чудо. Качели пели мечтательно.
Сквозняк согревал... мухи роились на памяти,
соленые атомы на языке: прости, милая...

Тараканы счастья, расплзающиеся по углам.
Нас оставалось мало... Пепел, пересыпаемый из
ладони в ладонь. Я шел вдоль булыжного меллотрона
набережной, сфокусировал внимание в Тибете —
арифметика истребителей свернувшаяся в небеса

2

Магия лета успокоила город. Золото коней...
Жажда тяжелила дни. Нелепый поезд пытался
ползти – рядом с телом, в песках. Колкие звезды
в волосах как репейник... колеса прибоя катились
влажно, солнце обжигало тюльпанами.

Жаркий ветер – Магритт полей... уголь
печали сладкий как поцелуй. Ноктюрн висящий
над катастрофой. Мир – дьявольский выпрямитель.
Божественный громоотвод.

...трахались с пустотой: блаженство
сумерек без нас! Мир приоткрыл губы...
Колокольчик пах синевой... горы присели
на корточки, как кельты:
я парил

...горизонт лежал голый...
Несло вальс на тополя пыльное время
В пустых кофейнях чирикали воробьи – били посуду.
Солнце разбросало свои кости – раздарило:
был полнейший бардак!

3

теряемое спокойствие тополей, солдат...
боевики минировали небо. Натер зеленью тело,
травой – слился с желаниями земли, мертвецов.
С небес рулили черные машины, все возвращались
домой

Нас не тронули зеркала, звери.
Смерть капризничала, в колыбели, не могла заснуть.
Наши глаза слипались... в шагреновой дымке —
солнца, реклам...
Голодный огонь, опустошающий души.
Тянем время, спрятавшись в коже,
караулим смерть у водопоя:
она никогда не придет

кафельная вонь в туалете... вокзал
Дневной свет... выхожу в его жемчужный
воздух

Жнецы

соловьи затравили Боттичелли
тосканской зарей! планетарное слабоумие,
мертвецы в глубоком самадхи, в ренессансах
рассветов – взяли эту бедняжку с собой...
звезда забвения по имени солнце:
её глаза как желтые апатиты

отблеск зари над рельефом объятий.
любовь свободна на уровне лета, словно
гончая посланная на перехват солнцу. твои
астральные глаза – созвездия: Льда
и Козерога. Мелиссы и Памяти.
рассматривая отражение бога —
можно уловить сходство,
в котором

под давлением сумерек улицы
зажигают огни. на аренах проспектов
кислотный саспенс затягивает горло, пытается
овладеть. прожектор протягивает ожег жажущим
одиночества. таинственная кристаллография
мозга. в голой тьме любовники охотятся друг
на друга: в полной тьме все сердца раскрыты

тахiony зрачков, твоей грустной улыбки.
обнимаешь за шею, фея разочарований – кровь
в глубине сердец наполняет мёртвое море

чувства, оставляющие татуировки
на памяти – божественны и безмолвны...
тону в обаянии сумерек, теней окруживших
вечер: в виде огромных колец вкатывается время
в кафедральный зал, где лежит мое прошлое
в детской кроватке... война беременная
солдатами – за нами будущее, поля
забвения полные звезд...

поюзанный флаер

Византийский ветер...

...византийский ветер терся о камни —
подслушивал, или мечтал. Горизонт густеющий
как мед. Бриллиантовые глаза полярников... рождается
младенец в колыбельной: и опьянели розы – затаили
дыхание

– Всем удачного рождения...
голос проплыл в бездне, свет звезд коснулся крыш.
И девочек, ставших нашими матерями: нет сети,
в которую можно войти – мы уже внутри...
геvei грезящие хинным ветром...

гравитацию внимания привлекло к твоим глазам,
обожгло дыханием – синтетических обладателей тел,
ангелов с безмолвием на губах... Ощущаю себя
чудовищем, Спасителем на вечеринке.
Жизнью ценой в последний
бакс

...в потере памяти,
страдании легком и беспощадном:
– Эта форма вернет нас к жизни?

хирургическое безмолвие

Вторглись в будущее...

Вторглись в будущее черные самолеты.
Компьютерная память жгла, возилась в сердце —
дни разминулись в позолоте объятий...
пули носились в поле – искали смерть,
находили нас.

Солнце. Клыки кромсают города, события умножаются у подножий зеркал. Залетел фантом в голову – соловей проснулся и мира не стало. Трассы легли в сердца, в сериалы. Времени мало. Оттолкнули прошлое как лодку от берега. В шелка печали укутали королеву: обнявшись, можно было плакать беззвучно или лететь домой

В лихорадке тел засыпали звуки. Смерть стучала в стенку, прыгало детство, считая скакалкой дни. Города, облитые безумием: мы целились в небо. Попали в вечность. Время искало нас – в золоте иллюзий, в одиночестве танцполов – ты стала линией горизонта... облизывала губы сухая печаль

Любовь сгорает безумной девочкой.
Путешествует по дорогам жертвой преступления —
и я чувствую голод

Город удалбанный блюзом...

Город удалбанный пылью и блюзом.
Твои сияющие глаза – воплощалась смерть,
опережая пространство. Обнажала чувства обольщая
слепых: будет больно глазам обнаженным

Обжора-день ржет над жарой!
гремит в подземных переходах, призывает духов
на электрическую свадьбу. Я – инфицированный
вселенной ребенок. В солнечном оргазме:
звезды это пустота вывернутая на изнанку!
кошачья прелесть в губах и грация
обхватившая талию

Неон уже вырезал половину города.
Зашил сердца титановой улыбкой. Она не
отзванивается, когда снова умирает в трансе.
Трафареты грозы в разваленном вспылками мире.
Горел оркестр, исторгая крещендо! Буду рекой
в твоём сердце. Подожгу машину как
бумажный бантик – с одной спички.
Или клятву отдам в вечную тьму

...мадригалы сновидений,
сверчки воздвигающие свои аркады:
Средние Века расписались помадой на
мандолине! томятся розы полусмерти, солома
в разошедшихся стропилах: наслаждались ландшафтами
до нежной боли – в головах было бемольно

отвел прядь с ее лба —
эвтаназия похожа на улыбку смерти затянутую
в юную кожу – прыгаем с палубы в эту пропасть:
итальянский язык опрокидывается в латынь
и в мировую поэзию

В космосе пылают города...

В космосе пылают города. Мы не возвратимся
никогда. Ветер шумит тростником, томится троллейбус
под синим небом – и только наши тени не стареют

Комнаты с вечным полднем...
пустые номера в Его отеле: чайками кружило
в отдалении... вечность одиночества вокруг
Встал из-за стола. Напротив Стэлла сидела:
пора насладиться ею

Параноидальные мысли совершили скачок, что бы
спастись. Остался один патрон в голове: стали мы
запчастями к солдатам воюющим с болью.
Наши роли на площади смерти.

Тревогу, ночную сестру, обнимаю за талию.
Кобра раскачивается нараспев – готовится, или
выжидает... тот самый день, когда барабаны в голове
умолкнут

Южный Крест

Жду. Может, еще кто придет. Прилетит птица-бессмертие – гасить этот щебет... Южный загар так подходит к ее жестам – плавным и нежестоким.

Пора. Теперь Южный Крест будет рвать в небе раковину улыбки! Это уж слишком: я не ждал что так со мной...

Шея затянута как змея в капкан: остроумный, словно палач перед казнью. Живи, живи кровь выпущенная на волю – голубям, уткам... свежий пух и вольный мир, запах на губах, отыгравших... птицы не имели понятия что здесь творится! За что бросали им жребий...

Улыбка не уродует мертвеца. Хочется еще винца. Холодного как губы. Эти губы грубы: как шутки – брошенные в гроб, на чай.

Ночь тонка как предчувствие: где тонко там и рвется. Негде теперь взять шнура, не найдешь во тьме топора. Теперь незачем: ночь вышла отличной, точной – куда шла, туда и метила. Имя твое забыла (нет имен у покойников), нет уже у нас имени

Хороша ли ты была, Ночь? Так темна, что не видно тебя, красавица. Мне это нравится: никак не запомню – кто я? Последнее окно: вот оно. Последний ручей, ничей: не слушай этих речей. Пес-болван разорвал цепь, оставил меня, убежал в степь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.